

НОВЫЯ КНИГИ

УТОПИЧЕСКІИ ЭТАТИЗМЪ ЕВРАЗІЙЦЕВЪ.

«Евразійство». Опытъ систематическаго изложенія. Евразійское книгоиздательство. 1926 г.

Евразійцы выпустили систематическое изложеніе своей идеологіи и программы. Въ мою задачу сейчасъ не входитъ разсмотрѣніе политической программы евразійцевъ, это не соотвѣтствуетъ задачамъ журнала «Путь». Но въ евразійскомъ катехизисѣ есть идеологическая, религіозно-философская и религіозно-общественная сторона, которая не можетъ насъ не интересовать. Систематическое изложеніе евразійской идеологіи, обладающее большими формальными качествами, не подписано ничьимъ именемъ и за него, очевидно, отвѣтственно все направленіе. Но оно носитъ явную печать индивидуальной религіозно-философской системы, которая безъ достаточныхъ основаній выдается за православіе. Въ брошюрѣ «Евразійство» есть немало вѣрныхъ мыслей, заслуживающихъ полного сочувствія. Евразійское направленіе обращено къ реальной Россіи и реальнымъ въ ней жизненнымъ процессамъ, оно признаетъ фактъ совершившейся революціи съ ея перераспределеніемъ социальныхъ группъ безповоротнымъ, хочетъ работать въ пореволюціонной средѣ и потому живетъ не эмигрантскими фантазіями и галлюцинаціями, а реальной дѣйствительностью. Въ политической программѣ евразійства есть несомнѣнное угадываніе того, къ чему сейчасъ ведутъ происходящіе внутри Россіи процессы. И политическій реализмъ евразійства прежде всего выражается въ томъ, что оно хочетъ базироваться на словѣ, который образовался въ результатѣ революціи и хочетъ быть строителемъ жизни. Евразійцы цѣлостно понимаютъ революцію, не дѣлая искусственнаго раздѣленія на революцію февральскую и революцію октябрьскую. Много есть схожаго съ мыслями, которыя я развивалъ въ своемъ «Новомъ средне-вѣковѣ», несмотря на существенную разницу въ моральномъ и религіозномъ пафосѣ. Нравственные обвиненія противъ ев-

разійцевъ, что они «смѣновѣховцы», что они приспосаблиются къ большевицкой власти и чуть ли не являются агентами большевиковъ, представляются мнѣ не только не вѣрными, но и возмутительными, свидѣтельствующими лишь о томъ, насколько разнымъ старо-эмигрантскимъ направленіемъ непріятно напоминаніе о банкротствѣ ихъ идейной установки въ отношеніи къ революціи и къ тому, что происходитъ внутри Россіи. Но евразійская идеологія несетъ съ собой несомнѣнную опасность и хотѣлось бы остановиться на самомъ главномъ евразійскомъ соблазнѣ. Эта опасность коренится въ міросозерцаніи, которое я бы назвалъ натуралистическимъ монизмомъ и оптимизмомъ. Евразійцы, несмотря на свое подчеркнутое ортодоксальное православіе, почти въ такой же степени монисты, какъ и марксисты, и настроенность ихъ полна натуралистическаго оптимизма. Евразійцы очень мѣняются и среди нихъ есть разные оттѣнки, но основное ихъ мірочувствіе все же можно уловить. Такого типа мышленіе всегда будетъ болѣе базироваться на категоріи необходимости, чѣмъ на категоріи свободы, будетъ подчинять личность коллективу и не очень будетъ склонно вводить моментъ нравственной оцѣнки въ политику. При такой оптимистически-монистической идеологіи то, что нарождается, развивается и должно восторжествовать въ будущемъ, представляется благимъ и добрымъ, необходимое почти совпадаетъ съ долженствующимъ быть. Нравственный пафосъ въ отношеніи къ жизни всегда предполагаетъ извѣстнаго рода дуализмъ, не онтологическій, но религіозно-нравственный дуализмъ. Въ систематическомъ изложеніи евразійства этого дуалистическаго момента, присущаго христіанству, нѣтъ и потому нѣтъ нравственнаго пафоса. Опасной стороной евразійской идеологіи является то, что я назову ихъ утопическимъ этатизмомъ, и опас-

ность эта коренится въ ложномъ монизмѣ. Миръ представляется ложнымъ и не христіанскимъ отношеніе евразійцевъ къ государству. Съ этимъ связано и ихъ отношеніе къ личности и свободѣ.

Евразійская идеологія утверждаетъ, что государство есть становящаяся, не усовершенствованная Церковь. Такимъ образомъ утверждается принципиальный монизмъ въ пониманіи отношеній между Церковью и государствомъ и государство понимается, какъ функція и органъ Церкви, государство пріобрѣтаетъ всеобъемлющее значеніе. Принципиальный дуализмъ двухъ порядковъ — Церкви и государства, Царства Божьяго и царства кесаря, который останется до конца міра и до преображенія міра, не признается, стирается, какъ это много разъ уже дѣлалось въ исторіи христіанства. Это есть одинъ изъ вѣчныхъ соблазновъ, подстерегающихъ христіанскій міръ, и на этой почвѣ рождаются утопіи, принимающія разнообразныя формы — отъ теократіи папской и императорской до коммунизма и евразійства. Вотъ мѣсто, которое представляется мнѣ наиболѣе зловѣщимъ въ пылѣшней евразійской идеологіи: «Наряду съ Церковью, которая и есть истинная форма личнаго бытія культуры, возникаетъ и другая, производная или вторичная форма личнаго бытія той же культуры. Ее-то мы и называемъ государствомъ, а ея сферу и бытіе государственностью, понимая подъ «государственнымъ» или «политическимъ» направленное къ пѣлостности или единству, культуру (или народъ), какъ объединяющееся и единое. *Принципиально государство есть сама культура въ ея единствѣ и въ качестве единства многообразія, т. е. принципиально государство объемлетъ все сферы жизни*». (стр. 40). Государство объемлетъ все сферы жизни и совершенное государство окончательно должно захватить все сферы жизни, организовать всю жизнь, не оставивъ мѣста для свободнаго общества и свободной личности. Это и есть принципиальный монизмъ, который ведетъ къ абсолютизаціи государства, къ пониманію государства, какъ земного воплощенія истины, истинной идеологіи. Евразійцы называютъ это не теократіей, а *идеократіей*. Идеократія есть господство подобранаго правящаго слоя, который является носителемъ истинной идеологіи, государственной идеологіи. Формально это очень походитъ на коммунизмъ. Коммунизмъ тоже есть идеократія, господство подобранаго правящаго слоя, претендую-

щаго быть носителемъ истинной коммунистической идеологіи, идеи пролетаріата. Съ точки зрѣнія исторіи идей въ идеократіи вы узнаете старую утопію, изложенную въ «Республикѣ» Платона. Совершенное государство Платона есть абсолютная тиранія. Правящій слой, который будетъ носителемъ истинной евразійской идеологіи, и долженъ создать республику Платоновскаго типа, управляемую «философами» (такими «философами» будутъ себя считать все евразійскіе молодые люди, никогда о философіи не помыслившіе). У Платона была вѣчная и истинная аристократическая идея господства лучшихъ, но Платоновская утопія совершеннаго государства, очень живучая въ исторіи, означаетъ подавленіе личности и свободы. По сравненію съ этимъ политика Аристотеля съ его несовершеннымъ государствомъ представляются блаженствомъ, возможностью свободно дышать. Повидимому во имя свободы добра необходимо допустить и нѣкоторую свободу зла. Самъ Богъ допустилъ существованіе зла и этимъ указалъ на значеніе свободы.

Опытъ русскаго коммунизма научаетъ насъ тому, что *стремленіе къ совершенному государству, организующему всю жизнь, есть нечестивое и безбожное стремленіе*. Я откровенно долженъ сознаться, что мечтаю о несовершенномъ государствѣ и въ немъ вижу больше правды, чѣмъ въ совершенномъ государствѣ. Совершенное государство, объемлющее все стороны жизни, есть ложная утопія, подмѣна христіанскаго исканія и ожиданія Царства Божьяго. Монизмъ возможенъ лишь въ Царствѣ Божіемъ, въ преображенномъ и обоженномъ мірѣ, на новой землѣ и новомъ небѣ. На старой землѣ государство должно быть ограниченнымъ, оно не можетъ быть совершеннымъ, ибо совершенство есть преодоленіе и отмѣна государства, и остается въ силѣ правда дуализма, который отражаетъ грѣховность нашей природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ свободу, личность и различеніе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть. Государство должно быть сильнымъ, но должно знать свои границы. Подлинная идеократія невозможна, она возможна лишь въ Царствѣ Божіемъ. Невозможна и теократія, и ложь ея притязаній изобличены въ исторіи. Евразійцы правы, когда хотятъ базироваться на подобранномъ правящемъ строѣ, но утопическій этатизмъ евразійцевъ приводитъ ихъ къ той ложной и опасной идеѣ, что идеократическое государство должно

взять на себя организацию всей жизни, т. е. организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душъ чело-вѣческихъ, что есть задача Церкви. Такова вѣдь и задача коммунистическаго государства, которое понимает себя, какъ Церковь и замѣняетъ Церковь. Евразійская идеократія также можетъ послать организовать сверху литературу, какъ это пыталась сдѣлать идеократія коммунистическая. Но государство на вѣки вѣковъ отлично по своей задачѣ и своимъ методамъ и отъ Церкви и отъ свободнаго творящаго духа. Государство по природѣ своей ограничено и относительно, оно ограничено въ принципѣ субъективными правами личности и свободой творящаго духа, не подпадающаго никакой организаци. Государственный абсолютизмъ есть язычество, есть древняя восточная и римская идея. Христианство духовно ограничиваетъ государство и не допускаетъ власти государства надъ чело-вѣческими душами, надъ духовной жизнью, надъ чело-вѣческимъ творчествомъ. Божескихъ почестей не должно воздавать никакому кесарю, сколько бы онъ ни почиталъ свою власть идеократической или теократической. Душа чело-вѣческая стоитъ дороже, чѣмъ все царства міра. Человѣкъ выше государства. Я не вижу, чтобы евразійцы защищали свободу чело-вѣческаго духа, которой грозятъ со всѣхъ сторонъ опасности. Они — коллективисты почти въ такой же степени, какъ и коммунисты, какъ и крайніе правые монархисты, они склонны признавать абсолютный приматъ коллектива и его господство надъ личностью. Чело-вѣческая личность будетъ принуждаться къ симфоническому мышлению путемъ муштровки. Отсюда паоось ортодоксии въ мышленіи, — онъ всегда вѣдь обусловленъ тѣмъ, что творцомъ почитается коллективъ, а не личность. Отсюда нелюбовь къ профетизму, который всегда рождается отъ личности, а не отъ коллектива. Евразійцы имѣютъ формальное сходство съ современными французскими томистами, которые тоже крайне ортодоксальны и социальны, антиромантики, рационалисты, формалисты и конструктивисты. Паоось организованности и социальности у евразійцевъ скорѣе римскій, латинскій, чѣмъ русскій. Склонность евразійцевъ къ пониманію религіи, прежде всего какъ силы социальнo-организующей и формальной, болѣе исторической, чѣмъ духовной, тоже очень напоминаетъ римское отношеніе къ религіи. Субъективные права личности, болѣе абсолютныя по

своему значенію, чѣмъ формы государства, мало вдохновляютъ евразійцевъ. О свободѣ совѣсти они говорятъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ лицъ, которые къ нимъ съ этимъ пристають. На практикѣ же готовы ограничить свободу вѣроисповѣданія для католиковъ. Евразійцевъ вдохновляетъ движеніе коллективовъ, массъ. Это есть паоось не столько духовный, сколько натуралистическій. Государство не есть воплощеніе на землѣ абсолютнаго духа, какъ думалъ Гегель, какъ думали римляне. Государство имѣетъ свою миссію на землѣ и христианство освящаетъ начало власти. Но государство всегда не адекватно, всегда грѣховно и въ немъ всегда возможно торжество царства звѣря. Это царство звѣря, Левіафанъ, обнаруживается и въ государствахъ монархическихъ и въ государствахъ демократическихъ и социалистическихъ. Диктатура партіи или правящаго слоя, который будетъ посетелемъ истинной идеологіи, скопирована евразійцами у коммунистовъ. Но диктатура партіи много горше диктатуры одного лица. Диктатура Муссолини менѣе тягостна, чѣмъ диктатура неисчислимаго количества фашистскихъ мальчишекъ. Диктатура Ленина все-таки лучше, чѣмъ диктатура центрального комитета коммунистической партіи. И это опредѣляется тѣмъ, что въ монархическомъ началѣ есть своя непреходящая правда, хотя и относительная. Диктатура по существу своему можетъ быть лишь переходнымъ состояніемъ, а не идеаломъ политическаго устройства. Въ этомъ отношеніи евразійская идеологія не чиста и слишкомъ насыщена аффектами и эмоціями нашей эпохи. Есть большія основанія думать, что мы идемъ отъ диктатуры къ диктатурѣ. Но это не имѣетъ отношенія къ построенію идеальнаго строя общества. Крайній этатизмъ евразійцевъ приводитъ ихъ къ своеобразной утопіи идеальной диктатуры. Въ дѣйствительности же это есть лишь отраженіе настроеній сегодняшняго дня.

Своимъ этатизмомъ, своей мечтой объ совершенной организаци жизни черезъ государство, евразійцы порываютъ съ традиціями нашей національно-религіозной мысли, порываютъ съ славянофилами и Достоевскимъ, и, въ сущности, какъ это ни странно, вступають на путь европеизаціи и американизаціи Россіи. Евразійцы — государственники, имѣютъ волю и вкусъ къ власти, они сторонники организаци, конструктивисты, въ нихъ очень силенъ элементъ рационалистическій, они очень

отталкиваются от мистики, и имъ совершенно чужда эсхатологическая настроенность. На этомъ пути происходитъ существенное перерождение русской души и отступничество отъ русскихъ чаяній, это есть своеобразный путь европеизации. Западной Европѣ очень свойственна государственность, национализмъ, любовь къ власти, инстинктъ организаци и конструкціи, рационализмъ и формализмъ, боязнь мистики, особенно мистики апокалиптической. Въ этомъ парадоксѣ евразійства. Отталкивание отъ Европы и обращеніе къ Азіи ничуть не мѣшаетъ европеизации. Евразійство хочетъ опереться на молодого человѣка новаго психического склада. Евразійцы совершенно правы въ своей идеологической борьбѣ противъ индивидуализма и формальнаго либерализма, которые разложились и принадлежатъ отмирающей эпохѣ. Индивидуализмъ и въ Европѣ кончается и не имѣетъ будущаго. Но преодоленіе индивидуализма не означаетъ отрицанія его историческаго значенія. Европейскій индивидуализмъ имѣлъ миссію, подобную той, какую имѣлъ гуманизмъ греческій. Евразійцы склопны усваивать себѣ организаторски-конструктивные методы Европы, но не понимаютъ того значенія, какое имѣлъ индивидуализмъ для развитія человѣческой души. Разрывъ евразійскаго поколѣнія съ традиціями русской творческой религіозной мысли выражается въ его церковномъ консерватизмѣ и въ его тяготѣніи къ бытовому исповѣдничеству. Пророчество русской религіозной мысли евразійскому поколѣнію остался чуждымъ и великія мессіанскія упованія русской религіозной мысли этому поколѣнію не передались. Духовно евразійское поколѣніе находится во власти реакціи, его представители жаждутъ церковнаго покоя и порядка. Политическое, социальное, литературное новаторство и даже революціонерство евразійцевъ соединяется съ церковнымъ консерватизмомъ и реакціонерствомъ. Говорю, конечно, о преобладающемъ настроеніи. Эсхатологическое сознаніе въ евразійскомъ катехизисѣ отсутствуетъ и отсутствіе это и порождаетъ утопическій этатизмъ. Пророческому эсхатологическому христіанскому сознанію чужда идея, что благодѣльное, праведное государство побѣдитъ въ этомъ мірѣ, что государство прогрессивно будетъ опереквляться и станетъ Церковью. Болѣе основаній есть думать, что царство антихриста будетъ государствомъ, царствомъ кесаря, Левіаѳана. Прообразы этого мы видимъ въ коммунизмѣ, религіозное зло котораго не-

достаточно видятъ евразійцы. Царства Божье не можетъ имѣть формы государства. Нужно всѣми силами стремиться къ христіанизации государства изнутри, черезъ христіанизацию общества и народа. Но государство нужно ограничивать, чтобы смирить въ немъ Левіаѳана, ограничивать Церковью, субъективными правами личности, свободой творческаго духа. Также бороться нужно и противъ абсолютизации общества. Дуализмъ и плюрализмъ въ строеніи государства болѣе гарантируютъ свободу духа, чѣмъ государственный монизмъ. И я склоненъ думать, что мы вступаемъ въ эпоху ослабленія государствъ въ тѣхъ ихъ формахъ, которыя сложились въ новой исторіи, и усиленія самоорганизации общества и общественныхъ союзовъ. Диктатура и цезаризмъ являются симптомами этого разложенія стараго государства. Евразійцы въ нынѣшней своей стадіи болѣе являются выразителями имперіалистической идеи, татарско-чингисханской и нѣмецко-петровской, чѣмъ русскихъ духовныхъ упований. Іосифъ Волоцкій имъ ближе, чѣмъ Ниль Сорскій. Данилевскій имъ ближе, чѣмъ Достоевскій. Такого рода движеніе должно было явиться въ наши дни, оно естественно и понятно, оно соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ настроеніямъ въ Россіи. Но не оно можетъ претендовать на господство и менѣе всего на господство духовное. Это есть опять настроеніе десятилѣтія, противоположащаго себя всѣмъ остальнымъ десятилѣтіямъ. Но мы должны освободиться отъ гишоза десятилѣтій. Положительную заслугу евразійцевъ нужно видѣть прежде всего въ томъ, что они поддерживаютъ достоинство Россіи и русскаго народа въ эпоху, когда русскіе, почитающіе себя патріотами, его унижаютъ. Евразійство можетъ сыграть положительную политическую роль, но оно должно освободиться отъ соблазновъ утопіи, отъ эксцессовъ этатизма, отъ вождельной диктатуры партіи. Новое поколѣніе въ Россіи болѣе реалистично, болѣе прозаично и менѣе утопично, чѣмъ евразійцы.

Евразійцы развиваются и могутъ двигаться въ разныхъ направленіяхъ. Они прислушиваются въ тому, что происходитъ въ Россіи и въ этомъ ихъ сильная сторона. Они — поколѣніе пореволюціонное, свободное отъ старыхъ доктринерскихъ идеологій. Но евразійцы подвергаются опасности отождествить происходящее съ должествующимъ быть и утратить свободу духа въ отношеніи къ тому, что представляется необходимымъ.

Ник. Бердяевъ.